

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ГОРДЕЕВА В.А., КЛАДОВОЙ А.А. «МОДИФИКАЦИЯ КОНКУРЕНЦИИ В РФ (НА ПРИМЕРЕ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА)»

Усик Нина Ивановна

доктор экономических наук, профессор. ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики», кафедра финансового менеджмента и аудита, действительный член Академии философии хозяйства, академик Международной академии холода
г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: nius50@yandex.ru

Монография «Модификация конкуренции в РФ (на примере банковского сектора)» подготовлена доктором экономических наук, профессором кафедры «Экономика и управление», главным редактором журнала «Теоретическая экономика» ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный технический университет», действительным членом Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, зарубежным членом Академии Metaepistemia Universum В.А. Гордеевым и А.А. Кладовой, соискательницей ученой степени кандидата экономических наук. Рецензируемая монография посвящена различным аспектам модификации конкуренции в Российской Федерации на примере происходящих в отечественном банковском секторе изменений.

Актуальность монографического исследования объясняется необходимостью проведения анализа и роли конкуренции в отраслевом развитии, а также в банковском секторе. Глобальная пространственная структуризация в отраслях и сферах использует новые методы ухода от мер воздействия антимонопольного законодательства. Так, например, используются методы антиконкурентного эффекта для укрупнения и реструктуризации бизнеса [1].

Конкуренция и конкурентоспособность в настоящее время – очень востребованные понятия, с которыми на протяжении времени происходят модификации. Конечно, конкурентоспособность определяется достигнутыми конкурентными преимуществами. Поэтому рассмотрение модификации конкуренции (борьбы за конкурентные преимущества), несомненно, актуально. Вместе с тем, включение в понятие конкурентоспособности банка его потенциала [2, с. 51], на наш взгляд, не соответствует реальности, так как любой потенциал должен быть реализован.

Во введении монографии, на основе высказываний ведущих ученых, а также рейтинга конкурентоспособности Всемирного экономического форума аргументируется актуальность исследования модификации конкуренции в банковском секторе российской экономики, говорится о цели монографии как преодоления указанных недостатков в осмыслении экономистами данной темы. Однако в последующем тексте монографии, на наш взгляд, отмеченная цель не нашла достаточно полного отражения. Поэтому следовало бы скорректировать эту часть введения, а сейчас можно свидетельствовать о том, что цель в полном объеме не достигнута. В связи с этим предлагается продолжить исследования и опубликовать их.

Читатели монографии оценят исторический экскурс, объясняющий «традиционное для неоклассической парадигмы представление о конкуренции как об элементе – одном из важнейших – рыночного механизма, которое основывается на идеях А. Маршалла (1842–1924)». Отмечается в книге, что сам ученый отмечал неудовлетворительность термина «конкуренция» как не вполне пригодного для характеристики специфических черт индустриальной жизни современной для него эпохи в силу «отягощенности» этого термина негативными ассоциациями с вредом, наносимым обществу даже созидательной формой конкурентной борьбы. Более предпочтительным для А. Маршалла представлялся термин «свобода производства и предпринимательства» («экономическая свобода»), отражающий характерные для торговли и промышленности того периода большую самостоятельность, большую предусмотрительность, более трезвый и свободный выбор решений [2, с. 12].

Дальнейшее объяснение сущности термина «конкуренция» в неоклассической парадигме относится к определяющей структуре рынка модели, используемой для предсказания поведения на определенном рынке. Подобный подход обуславливает и то, какое содержание современные представители неоклассической школы экономической мысли вкладывают в категорию «конкурентная среда». Наиболее общим для западных представителей рассматриваемого направления является представление о конкурентной среде как о структуре рынка, определяемой, в первую очередь, количеством экономических агентов, функционирующих на данном рынке. Более развернутая западная неоклассическая концепция конкурентной среды – это модель пяти основных конкурентных сил, разработанная Майклом Портером. В соответствии с данной моделью, конкурентными силами, составляющими конкурентную среду рынка (у М. Портера – отрасли), являются следующие: угроза вхождения на рынок новых участников; угроза появления субститутов; рыночная власть покупателей; рыночная власть поставщиков; соперничество между действующими конкурентами [2, с. 13].

Последующее изложение точек зрения на конкурентную среду отечественных ученых свидетельствует о высокопрофессиональных познаниях авторов в данной области знания. Вместе с тем, остался без ответа вопрос, как это увязывается с реальной экономической ситуацией (введение не в счет).

Рассмотрев отсутствие в неоклассических концепциях четкого сущностно-содержательного описания соотношения, взаимосвязи между категориями «конкурентная среда» и «конкуренция», Гордеев В.А. и Кладова А.А. обуславливают необходимость восполнения возникающих в связи с этим «пробелов» в целях формирования комплексного представления о конкурентной среде рынка в целом и об ее особенностях применительно к отдельным рынкам и секторам экономики [2, с. 16]. Институциональный подход также получил подробный анализ позиций различных авторов с выводом: конкурентная среда, по сути, в данном подходе предстает в качестве условий для функционирования конкуренции, создаваемых неконкурентными средствами [2, с. 17].

Рассмотренные в монографии неоклассические позиции и институциональный подход к определению сущности и структуры категории «конкурентная среда» при всех его несомненных достоинствах обладает определенными недостатками. В частности, в большинстве позиций, сформулированных в рамках рассматриваемого направления, не проводится четкая грань между элементами структуры конкурентной среды и факторами ее формирования, нет однозначного описания того, как конкурентная среда рынка соотносится с конкуренцией на нем, отмечается определенная «размытость» и порой недостаточная формализованность формулировок, а также (последнее, впрочем, характерно и для неоклассического подхода) нет единообразного толкования того, имеет ли конкурентная среда границы и что именно может выступать в качестве таких границ.

Вывод вполне определен: «несмотря на выделенные положительные аспекты двух мейнстримовых теоретико-методологических подходов экономической науки к толкованию

сущности и структуры категории «конкурентная среда», присущая указанным подходам некоторая ограниченность объективно обуславливает необходимость исследования рассматриваемой категории на основе иного направления экономической мысли, которое позволило бы, «вобрав» в себя преимущества неоклассических и институциональных взглядов, но отталкиваясь от иных «опорных точек», преодолеть данные ограничения и, таким образом, в конечном итоге развить теорию конкуренции» [2, с. 19]. Последующее предложение, что «в качестве фундаментальной базы должна выступать политическая экономия, не утратившая актуальность, несмотря на активное вытеснение ее с ведущих позиций неоклассической школой экономической мысли» [2, с. 19], обосновывается следующими возможностями. «Опираясь на сущностную характеристику конкуренции как процесса, мы рассматриваем конкурентную среду как постоянно трансформирующуюся внешнюю сторону преимущественно антагонистических производственных отношений между хозяйствующими субъектами на основе их стремления к максимизации прибыли и к обеспечению наилучшего и максимально устойчивого положения на рынке. Трактующая таким образом конкурентная среда в качестве своих основных элементов имеет не факторы, а фактически сложившиеся параметры субъектного состава конкурентной борьбы на данном рынке, совокупность методов конкуренции, применяемых субъектами, а также объект конкуренции, понимаемый как сложная многоаспектная категория, по поводу которой субъекты вступают в антагонистические производственные отношения» [2, с. 22]. На наш взгляд следовало бы объяснить сущность производственных антагонистических отношений, поскольку не вся целевая аудитория знакома с этими понятиями.

Различное понимание одних и тех же категорий случается у многих исследователей. В качестве максимально приближенного к универсальному предлагается «следующее определение субъектов конкуренции как элемента конкурентной среды рынка: субъекты конкуренции – это оперирующие на рынке с четко определенными продуктовыми, географическими и временными границами субъекты, реализующие идентичный или максимально схожий продукт и на основе стремления к максимизации своей прибыли находящиеся в преимущественно антагонистическом взаимодействии с целью занять наилучшее и устойчивое положение на рынке» [2, с. 23]. Данная пространная цитата свидетельствует об односторонности взглядов на конкуренцию: только с точки зрения покупателей и продавцов, без учета интересов других акторов отрасли.

Дальнейшее исследование заявленной темы модификации конкуренции основывается на разработках гарвардских ученых 1940–1960 гг.: указано, что в основе разработанной теорией отраслевых рынков структурного подхода лежит парадигма «Структура – Поведение – Результат» (Structure – Conduct – Performance, SCP), или «Гарвардская парадигма», предполагающая наличие взаимосвязи между структурой соответствующего отраслевого рынка и поведением его участников. Исторический экскурс позволяет показать эволюцию понятия конкуренции примерно за 90 лет, свидетельствуя о некоторой степени односторонности с позиций структурного подхода.

Уровень банковской конкуренции, в основном, опирается на неструктурный подход в рамках эмпирической теории отраслевых рынков. Указывается на ограниченность структурного подхода, когда многие исследования опирались на небольшое количество сводных данных по отраслям, не всегда адекватно отражавших значимые экономические показатели. Указывается на то, что сторонники новой эмпирической теории организации отраслевых рынков сочетают в себе концептуальную ясность, свойственную экономической теории, с обоснованными и убедительными эмпирическими оценками конкурентной ситуации в отрасли [2, с. 27].

Другой, неструктурный, подход к оценке конкуренции подразумевает, что для аппроксимации уровня конкуренции используются не показатели рыночной концентрации, а показатели поведения оперирующих на рынке субъектов, рассчитанные на основе соответствующих данных микроуровня. Этот подход в монографии предоставляет более адекватные неоклассические инструменты оценки

фактически сложившихся параметров субъектного состава как элементов конкурентной среды того или иного рынка.

Как показано в рецензируемой монографии, неструктурная оценка уровня конкуренции может осуществляться с помощью методов прямого и косвенного оценивания. Ведущим методом прямого оценивания является индекс Лернера, а косвенное, как правило, осуществляется с помощью показателя Н-статистики, рассчитываемого в рамках модели Панзара-Росса. Оба показателя предполагают оценку рыночной власти игроков данного рынка по степени их отклонения от конкурентного ценообразования.

Неструктурный индекс, позволяющий напрямую оценить уровень монопольной власти в той или иной отрасли, был впервые предложен в научной работе А. Лернера в 1934 г. Определив потери общества от монополии, как разность между ценой и предельными издержками (в отличие от традиционного на тот момент представления о них как о разности между ценой и средними издержками), Лернер сместил акцент внимания ученых с прибыли монополиста на аллокативную неэффективность, вызванную погоней за этой прибылью. По мнению Лернера, чем больше разница между ценой и предельными издержками, тем выше уровень монопольной власти фирмы. Критерием для оценки монопольной власти и ее экономических последствий для общественного благосостояния Лернер считал «общественный оптимум, который достигается в условиях совершенной конкуренции» [2, с. 28]. Индекс Лернера, по своей сути, является мерой отклонения фирмы от общественного оптимума. Недостатком расчета этого индекса является то, что, при оценке отклонения от общественного оптимума фирм с растущим объемом производства неправильным будет приписывать всю величину отклонения проявлению монопольной власти.

В рецензируемой монографии анализируется разработанная в 1980-е гг. модель Д. Панзара и Д. Росса, оценивающая соответствие поведения фирм неоклассическим моделям совершенной конкуренции, монополистической конкуренции или монополии. Эта модель исследует влияние изменения цен факторов производства на уровень прибыли банков. В отличие от индекса Лернера, позволяющего оценить как степень монопольной власти отдельно взятого субъекта конкуренции, так и уровень конкуренции на конкретном рынке в целом, модель Панзара-Росса направлена исключительно на общую оценку уровня конкуренции на том или ином рынке [2, с. 29].

Третий показатель оценки конкурентной среды рынка Н-статистики, несмотря на свои преимущества перед индексом Лернера и структурными показателями уровня конкуренции, имеет достаточно ограниченные информативность и сферу применения. Тем не менее, в последние годы расчет именно данного показателя является наиболее популярным в рамках неструктурных методов оценки уровня конкуренции на различных рынках отдельных стран и групп государств.

В экономической литературе выделяются ценовые и неценовые методы, а также арсенал выделенных и описанных экономической наукой методов конкуренции в рамках мейнстримовых концепций предполагает классификацию на прямые и косвенные, добросовестные и недобросовестные методы и ряд иных.

Критерий «добросовестности» применительно к выделенным в книге антагонистическим производственным отношениям между хозяйствующими субъектами в тех или иных национальных пределах – это, с одной стороны, инструмент выравнивания конкурентных позиций субъектов конкурентной борьбы с позиций экономической справедливости, а с другой – инструмент влияния государства на то, что именно в данных конкретно-исторических условиях считается «экономически справедливым». Антимонопольная политика государства, как следствие, способна одновременно служить и во благо цивилизованного характера конкурентных взаимодействий на национальных рынках, и являться способом достижения государством собственных целей, которые зачастую противоречат целям национальной экономики.

Указывая на получение инсайдерами и аутсайдерами информации по тому или иному рынку, авторы монографии, считаю, не акцентируют внимание на антимонопольной политике мэйстримовского типа, как антиконкурентной для целей развития экономики анализируемых стран.

Теоретическая основа конкуренции дополнена в рецензируемой книге анализом модели Ханта Ш. «ресурсы-преимущества», в которой основной целью фирм на рынке является «превосходящий финансовый результат», вследствие чего рыночные агенты вступают в конкурентную борьбу по поводу обладания ресурсами как доступными материальными и нематериальными объектами, позволяющими им рационально и / или эффективно создавать и предлагать на рынке продукт, имеющий ценность для какого-либо рыночного сегмента [2, с. 35]. Преимущественное положение на рынке – не конечный объект конкуренции, а промежуточный этап на пути субъектов-антагонистов к его достижению. С этой позицией Ханта Ш. в основном согласны авторы монографии. На взгляд рецензента, следовало этот теоретический анализ дополнить отраслевыми исследованиями М. Портера последнего десятилетия.

Формулировка В.А. Гордеевым и А.А. Кладовой определения конкурентной среды включает элементы эндогенного каркаса конкурентной среды рынка, с одной стороны, которые находятся под влиянием экзогенного каркаса, а с другой, – определяются тем, каковы специфические характеристики ключевого для данного рынка продукта, а также особенностями реализующих данный продукт рыночных агентов, которые принимают решение участвовать в конкурентной борьбе на таком рынке. По сути, эндогенный каркас рыночной конкурентной среды порождается самим рынком и, формируясь под воздействием его особенностей и параметров экзогенного каркаса, сам порождает специфику входящих в структуру конкурентной среды элементов. Как и экзогенный, каркас данного типа может быть структурирован лишь приблизительно, однако в качестве его обязательных составных частей в монографии рассматриваются географические, продуктовые и временные границы данного рынка, свойственный ему в тот или иной момент тип рыночной структуры, а также размеры и конкурентоспособность оперирующих на данном рынке рыночных агентов. Эти замечания вполне справедливы, но не учитывают процессы глобализации, локализации бизнесов, образования группировок отдельных государств для защиты своих интересов.

Характеристика конкурентной среды банковского рынка в монографии во многом основана на структурном подходе, хотя на стр. 27 указывалось на ограниченность этого подхода и анализировался неструктурный подход. Указывается на смешение содержания категорий «конкурентная среда» и «пространство конкуренции», подменяемого первым вторым, а также искусственное отграничение категории «конкурентная борьба» от термина «проявление конкуренции» [2, с. 40]. В целом проведенный анализ научных дискуссий по поводу понятий «конкуренция» и «конкурентная среда» в банковском секторе следовало бы дополнить теорией кредита (см., например, Соколов Б.И.), разрабатываемой в ведущих российских финансовых университетах. Справедливым является замечание к ученым-исследователям конкуренции и конкурентной среды в банковском секторе о необходимости субъектно-объектного анализа.

При формулировке общей модели структуры конкурентной среды банковского рынка предлагается придерживаться узкого взгляда на субъектный состав банковской конкуренции, включающий исключительно коммерческие банки, оперирующие на том или ином банковском рынке, и, соответственно, понимая банковскую конкуренцию в общем случае как внутритраслевое явление [2, с. 45] на основе принципа методологического индивидуализма.

Логическая последовательность изложения материалов исследования, на взгляд рецензента, в монографии отразилась как проявление элементов экзогенного и эндогенного характера (трактовка конкурентной среды В.А. Гордеевым и А.А. Кладовой) при рассмотрении конкурентной среды банковского сектора, включая элементы структуры ее модели [2, с. 48].

Отмечая наибольшую сложность в исследовании и характеристике эндогенного каркаса банковского рынка, В.А. Гордеев и А.А. Кладова показывают такой его элемент, как конкурентоспособность функционирующих на данном рынке банков. Категория «конкурентоспособность» – одна из дискуссионных категорий в теории конкуренции, трактуемая неоднозначно как представителями различных течений экономической мысли, так и сторонниками одного течения, но применительно к различным рынкам и экономическим субъектам. Разнообразные толкования сущности конкурентоспособности экономических субъектов в современной экономической науке, как правило, сводятся к рассмотрению ее с трех точек зрения: как конкурентной позиции (результативная конкурентоспособность); как конкурентного потенциала (ресурсная конкурентоспособность); как конкурентной стратегии (инструмент конкуренции), представляющей собой операционную (функциональную) конкурентоспособность [2, с. 50].

Категория конкурентного потенциала по своему содержанию отражает совокупность всех ресурсов, используемых или доступных для использования экономическим субъектом в рамках конкурентной борьбы. Достижение рыночным агентом желаемой конкурентной позиции на рынке определяется наличием у него тех или иных конкурентных преимуществ, которые, в свою очередь, возникают вследствие применения определенных методов конкуренции, фактически направленных на создание, развитие и реализацию конкурентного потенциала субъекта. Будучи взятыми в комплексе, такие методы составляют конкурентную стратегию субъекта. Таким образом, перечисленные выше три аспекта категории «конкурентоспособность» как сложные элементы эндогенного каркаса конкурентной среды рынка не существуют обособленно друг от друга, а образуют органическую систему, с одной стороны, определяющую характеристики субъектного состава и арсенал методов конкурентной борьбы на данном рынке как структурные составляющие его конкурентной среды, а с другой – подвергающуюся трансформации под воздействием конкурентной среды в дальнейшем [2, с. 50].

Проанализировав недостатки ряда типичных определений сущности категории «конкурентоспособность банка», авторы монографии предлагают рассматривать ее как систему конкурентных преимуществ банка, формирующуюся в результате эффективной реализации банком своего конкурентного потенциала и позволяющую банку занять желаемую для него конкурентную позицию на банковском рынке в целом или на его отдельных сегментах [2, с. 52]. На взгляд рецензента, получилось определение конкурентоспособности через другую категорию – конкурентный потенциал.

Исходя из предложенного в монографии определения конкурентной среды банковского рынка и модели ее структуры, дается определение сущности банковской конкуренции: банковская конкуренция – это система антагонистических производственных отношений между коммерческими банками по поводу максимизации ими своей прибыли от присутствия на банковском рынке и / или достижения и поддержания их наилучшего и устойчивого положения на данном рынке. Указанное определение соответствует общему случаю банковской конкуренции и не учитывает особенности конкуренции – и, соответственно, конкурентной среды как ее внешнего проявления – на конкретных национальных банковских рынках, складывающиеся под воздействием конкретно-исторических условий их функционирования. В случае, если подобные особенности являются столь ярко выраженными, что приводят к значительным отклонениям структуры конкурентной среды таких банковских рынков от построенной общей модели, то есть основания говорить о модификации конкуренции на указанных рынка [2, с. 52–53].

В п. 1.2 «Трансформация конкурентной среды банковского сектора в РФ» проводится субъектный анализ ее элементов. Неоднородность субъектного состава исследуется с позиций количества зарегистрированных кредитных организаций по федеральным округам, величине

зарегистрированного уставного капитала, типу собственника. Отмечается, что более половины всех зарегистрированных банков находится в Центральном федеральном округе [2, с. 54–56], это представлено в графическом варианте на первое апреля 2015 г.

Для субъектного состава конкурентной среды российского банковского рынка в большей степени свойственно численное преобладание банков, которые условно могут быть отнесены к категориям мелких и средних по величине собственных средств. Третьим и наиболее значимым непосредственно для исследования в данной монографии аспектом неоднородности входящих в субъектный состав конкурентной среды российского банковского рынка кредитных организаций является их неоднородность по типу собственника [2, с. 66].

В основе простого подхода к выделению государственных банков в российском банковском секторе лежит критерий социально-экономической роли таких банков, воздействия, которое включаемые в данную категорию кредитные организации играют как в рамках указанного сектора, так и – более глобально – в рамках национальной экономики. В основе сложного подхода, напротив, лежат не соображения влияния банков на экономику и ее отдельные сферы, а критерий наличия и степени контроля государства за деятельностью таких банков. По-видимому, выбор того или иного из указанных способов должен определяться целями, стоящими перед исследователем [2, с. 67].

На основе расчета индекса Лернера, использования модели Н-статистики и модели Панзара-Росса сделаны расчеты конкурентной среды в банковском секторе РФ. К сожалению, применение на практике неоклассических методов анализа не включило результатов изучения отрасли по М. Портеру [2, с. 74–78]. На взгляд рецензента, следовало бы учесть реальную ситуацию, сложившуюся с 2008 г. по 2010 г., а также применение санкций мирового сообщества к РФ с 2014 г. Многомиллиардные дотации банковскому сектору РФ в эти годы для повышения его капитализации свидетельствуют не о создании конкурентной среды в этой сфере. На стр. 80–81 при расчете переменных необходимо было учесть указанный антиконкурентный эффект, используемый конкурентной политикой РФ [2, с. 1] в отношении банковского сектора экономики.

Кроме того, банковский сектор РФ не в полной мере исполняет функции, возлагаемые на него в рыночной экономике, а именно: краткосрочное и долгосрочное кредитование реального сектора экономики, аккумуляция денежных средств предприятий и населения в целях инвестиций, но не в финансовый сектор и валюту, а на социально-экономическое развитие страны, поддержки неоиндустриализации, внедрения инноваций для технологического прорыва в глобальном мире.

В зависимости от использованной модели в монографии на стр. 88 делается вывод о том, что для группы подконтрольных государству банков в России характерно состояние либо монополистической конкуренции, либо картеля (монополии). Аналогичным образом взаимоисключающие выводы могут быть сделаны применительно и к группе контролируемых частным отечественным капиталом банков, и к крупным кредитным организациям. Более того, уравнение процентных доходов указывает на то, что для банковской отрасли России характерна монополистическая конкуренция, тогда как в силу значения Н-статистики, полученного при оценке уравнения совокупных доходов, сектор существенно ближе к состоянию совершенной конкуренции.

В данной ситуации выбор варианта модели Панзара-Росса, более адекватно отражающего состояние конкуренции на современном российском рынке банковских услуг, следует делать на основе сопоставления интерпретации полученных значений Н-статистики с интерпретацией рассчитанных в отношении той же выборки значений индекса Лернера. Учитывая, что в научной литературе отсутствует единый подход к тому, как следует оценивать результаты расчета индекса Лернера, лежащие между крайними его значениями, в настоящем исследовании такие значения

интерпретированы как состояние монополистической конкуренции на банковском рынке по аналогии со шкалой для модели Панзара-Росса.

Для выявления конкурентной среды в банковском секторе на стр. 90 сделан вывод, что в целом на основе сопоставления полученных результатов неструктурной оценки модель уравнения процентных доходов дала большее количество совпадений с результатами оценки индексов Лернера, чем модель совокупных доходов банка. В то же время использование уравнения процентных доходов для оценки уровня конкуренции в группе подконтрольных государству банков дало результат, не совпадающий по своему смысловому значению как с соответствующим значением показателей индекса Лернера, так и с выводами других научных работ. Это указывает на существование внутри российского банковского сектора монополии в виде объединенных одной из форм монополистического соглашения – картелем – группы контролируемых государством банков.

В монографии сделан вывод о том, что банки с государственным участием или подконтрольные государству могут рассматриваться в качестве воплощения государства как единого субъекта конкуренции, находящегося в антагонистических производственных отношениях по поводу максимизации прибыли и упрочения своей рыночной позиции с прочими субъектами банковской конкуренции [2, с. 90–91]. Рецензент придерживается иной позиции, не смешивая неоклассический и институциональный подход на развивающихся рынках и признавая наличие поддерживающего антиконкурентный эффект для защиты национальной эффективной экономики в глобальном мире, а не антагонистических производственных отношений. Вместе с тем, вывод в монографии о естественном следствии формирования и поддержке государством подконтрольных ему банков, как единого субъекта конкурентной среды, и положение лидерства (то есть статус инсайдера) на банковском рынке России и, таким образом, центральная роль (роль ядра) указанных банков на рассматриваемом рынке [2, с. 91], имеет, на мой взгляд, научную ценность.

Основой для анализа конкурентной среды в банковском секторе выступает субъектный подход: банки – субъекты конкуренции, в том числе государственные и подконтрольные ему. Авторы отмечают, что «само государство находится в антагонистических производственных отношениях с кредитными организациями, относящимися к прочим двум категориям субъектов, кредитным организациям из указанных двух категорий свойственна своеобразная двухуровневая конкуренция, что, служит дополнительным фактором, отягчающим их конкурентные позиции на рынке, поскольку отвлекает часть «мощностей» конкурентной борьбы, которыми обладают данные кредитные организации, и вынуждает их усложнять и расширять свои конкурентные стратегии ввиду разнообразия противостоящих им соперников» [2, с. 92].

Проведенный в монографии анализ, рассматривая государство и его действия на российском банковском рынке через призму методологического индивидуализма и, следовательно, «в терминах индивидуального поведения», на основе неоклассических неструктурных методик, авторы выделяют трансформацию субъектного состава конкурентной среды в рассматриваемом секторе и, соответственно, трансформацию набора целей-объектов, преследуемых ведущим субъектом данного состава в рамках его присутствия в банковском секторе как основные аспекты модификации конкуренции в нем [2, с. 92].

На взгляд рецензента, во-первых, к государству не вполне можно относить методологический индивидуализм, в терминах индивидуального поведения. К нему можно подходить с институциональных позиций. Во-вторых, только на основе неоклассических неструктурных методик представляется неправомерным делать выводы, поскольку в научном анализе необходимо использовать как минимум два подхода. Видимо, субъектно-субъектный анализ не подходит для исследования отношений между различными институтами в рамках эндогенного и экзогенного каркаса.

Хотя на стр. 97 авторы монографии отмечают иной подход: эмпирическое исследование аспектов эволюции банковской конкуренции в России в русле предложенных политэкономической концепцией двух направлений общего характера будет, напротив, исходить в основном из неоклассических методов применительно к анализу первой из тенденций и осуществляться преимущественно на основе неинституционального подхода применительно ко второй из них. Такая противоречивость подходов, а также использование политэкономического метода означает полиметодологическое исследование. Вместе с тем, авторы монографии делают уклон на эмпирическое исследование, результатом которого может стать маркетинговый подход, а не рассмотрение проблемных вопросов модификации конкуренции в банковской сфере. Уклон в анализ конкурентной среды в банковском секторе свидетельствует о недостатках в разграничении этих понятий.

Обращает особое внимание исследование особенностей теоретических взглядов на конкуренцию и монополию начала прошлого века, то есть период становления и развития капитализма. В России начавшийся процесс восстановления капитализма (ведущей роли капитала в экономике) также связан с процессами конкуренции и концентрации в отдельных отраслях с выделением вертикальной и горизонтальной конкуренции [2, с. 131–133].

На взгляд рецензента, следовало бы обратить внимание на цели развития страны и роль в нем банковского сектора. Например, инновационную по характеру новую индустриализацию России на современном этапе. В связи с этим рассмотреть выводы М. Портера и А. Риха об угасании конкуренции в концентрированных структурах, в том числе в кластерах, внедряющих инновации. Желание сохранить конкурентные позиции с момента устаревания инноваций приводит к угасанию конкуренции. Поскольку банковский сектор призван обеспечивать реальный сектор экономики инвестициями, а на самом деле, в большей степени, обслуживает финансовый и валютный сектора, то выводы по конкуренции в банковском секторе были бы более близки к целям. Так, на стр. 133 указывается на такую роль государства в активах банка, как признаки кризиса: в период кризисов доля государства увеличивается. Если исходить из государственной позиции, то такая роль оправдана.

Мировой финансовый кризис 2008 г. показал, что основной механизм развития банковского сектора отличается от практики развитых стран. На стр. 138 отмечается, что в России неизбежность развития системного кризиса была предопределена сложившимися в 2000-х годах механизмами финансирования банков и предприятий, предложения денег, ценообразования на финансовом рынке. Банк России эмитировал рублевые средства под аккумуляцию иностранной валюты в официальных резервах. Сокращение экспортной выручки российских экспортеров в результате падения мировых цен привело к относительному сжатию денежной массы. Повышение процентных ставок на мировом финансовом рынке и ограничение кредитования заемщиков из развивающихся стран привело к удорожанию заимствований для крупнейших российских банков. Это вызвало коллапс российского межбанковского кредитного рынка. Осуществился «перелив» вкладов населения в государственные банки, как более финансово устойчивые.

В монографии на стр. 144 подводится итог модификации конкуренции в банковском секторе России, выражающийся в общей форме траектории ее развития как процесса перемещения к все более монополизированному состоянию, так как более 60 % активов подконтрольны государству, а также имеет спиралевидную форму, представленную на разных уровнях (микроуровень, мезоуровень, макроуровень), отражающую нисходящий характер спиралей (к монополии).

В целом мне представляется, авторы рецензируемой монографии недостаточно использовали теоретические исследования по модификации конкурентной среды в банковском секторе ведущих зарубежных и российских авторов, но представили обзор диссертационных исследований, отражающих современный этап, что, несомненно, является достоинством монографии.

Вывод: в книге «Гордеев В.А., Кладова А.А. Модификация конкуренции в РФ (на примере банковского сектора): Монография / В.А. Гордеев, А.А. Кладова. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2015. – 180 с.» представлены теоретические и практические результаты исследования модификации конкуренции в банковском секторе РФ. Методологическая многовариантность в монографии отражает поиски новой модели экономического развития и теории. Высказанные в тексте рецензии замечания и предложения не отрицают научного интереса к проблемам конкуренции в банковском секторе РФ, а предполагают дальнейшие плодотворные исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Усик Н.И. Антиконтрентный эффект и эффективная экономика в РФ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.theoreticaleconomy.info>
2. Гордеев В.А. Модификация конкуренции в РФ (на примере банковского сектора): Монография / В.А. Гордеев, А.А. Кладова. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2015. – 180 с.